

Поиски европейских невест для Михаила Федоровича

С воцарением на русском престоле династии Романовых в лице ее первого представителя Михаила Федоровича Смутное время отошло в прошлое: в стране восстанавливался прежний порядок, залечивались раны, нанесенные иноземцами. Русь, пережив тяжелейший период, показала свою крепкую жизнеспособность. Опорой в этом явилось православие, ставшее щитом национального единства. В новой исторической обстановке резко изменилось отношение к иностранцам, принесшим русскому государству так много бедствий. Если до Смутного времени к ним относились просто как к «иноверцам», то после него в сознании народа они стали «погаными», «окаянными», а их действия против Руси представлялись безбожными. Русские в то время, далеко уступая европейским народам как в отношении материального благосостояния, так и в области просвещения, видели свое спасение именно в православии и только в нем находили прочную основу. При таком значении религии, вероисповедания в общественно-государственной жизни брак православных с неправославными становился невозможным. Появление представителя даже протестантской веры в царской семье могло бы, безусловно, сильно подорвать ее престиж в глазах народа, который перестал бы видеть в царской власти свой идеал. Более того, брак православного с иноверной считался бы прямой изменой своей нации. Эта особенность описываемого времени нашла свое юридическое закрепление в постановлении Московского собора 1620 года, которое предусматривало подвергать перекрещиванию иноверцев. Естественно, что после этого брачный вопрос превратился в вопрос о смене вероисповедания.

Важно подчеркнуть, что первый царь из династии Романовых Михаил Федорович в сознании народа был хранителем всего родного, чисто русского. После смутной эпохи он стал первым царем, который жертвовал своими личными интересами во имя общегосударственных.

До двадцати шести лет Михаил Романов был холостым: ни один из московских государей не оставался так долго без супруги. Но на то была причина: у молодого Михаила была невеста – Мария Ивановна Хлопова, однако из-за интриг знатных бояр из партии Салтыковых отправленная в ссылку. Выбрать же другую Михаил не пожелал.

Когда из плена возвратился его отец, Филарет, то последний решил прежде всего женить сына: этого требовали интересы государства и упрочение рода Романовых на престоле. Филарет Никитич в принципе не возражал против брака своего сына с Хлоповой и тем не менее с целью поднять авторитет рода и власти вознамерился женить Михаила на какой-нибудь европейской принцессе. Весной 1621 года отправился за границу москвич Юрий Родионов с тайным поручением: выяснить, нет ли у иноземных государей дочери или сестры, которая была бы «красна очми и всяким возрастом, добра и ничем неувечна и к такому великому делу годна». Царский посланец клятвой перед Евангелием обещал держать в строгом секрете цель своей поездки и должен был выдавать себя за купца.

Секретная миссия Родионова была, кстати, связана с одним международным дипломатическим инцидентом 1615-1616 годов, суть которого заключалась в следующем. В конце июня 1615 года под стенами Пскова появился шведский король Густав Адольф со своим войском и осадил его. Случилось так, что в самом начале осады саксонский курфюрст Иоганн Георг I отправил к шведскому королю посла Ганса фон Таубе, с собственноручным письмом, в котором содержалась просьба прислать для его зверинца несколько северных оленей. Таубе благополучно исполнил поручение, и когда выехал из шведского лагеря в обратный путь, был схвачен в дороге русскими ратниками и отвезен за крепкие стены ближнего Печорского монастыря. Но поскольку Ганс Таубе, владетель имений в Эстландии, являлся подданным Швеции, то он и был задержан.

В связи с захватом саксонского посланца началась дипломатическая переписка, в которой кроме заинтересованных непосредственно Дрездена и Стокгольма участвовали также польско-литовское правительство, венский кабинет и английское посольство при московском царе. Пока Саксония, не имевшая тогда дипломатических отношений с Русским государством, вела эти переговоры, Таубе находился в Москве вплоть до августа 1616 года, когда его официально освободили. Однако бывший пленник Михаила Федоровича не спешил покидать русскую столицу и лишь в начале 1617 года прибыл в Стокгольм.

Любопытно, что именно к герою этого эпизода спустя четыре года обращается Родионов в Дрездене с просьбой помочь в поиске невесты для русского царя.

Московский посланец Михаила Федоровича выдавал себя за английского купца, возвращавшегося в Лондон, имел пропускные грамоты и английский паспорт. Но несмотря на все его бумаги, в Дрезден Родионова не пропускали, и он прибег к последнему средству – помощи Ганса фон Таубе. Именно последний, узнав суть дела, организовал встречу Родионова с курфюрстом Иоганном Георгом I. Переговоры с царским гонцом вел председатель Тайного совета Саксонии Каспор фон Шёнберг, который, входя в интересы Родионова, сообщил следующее. Что касается детей саксонского курфюрста, то у него было пять дочерей разного возраста. Чтобы полностью выполнить царское поручение, Родионов лично посмотрел на названных принцесс и запасся их портретами. Перед отъездом из Дрездена он преподнес Гансу Таубе ценные подарки за оказанную помощь в этом нелегком деле. Но ни одна из принцесс так и не стала невестой Михаила Федоровича.

Между прочим, по странной ли случайности или так было predetermined судьбой, но обе старшие дочери курфюрста Иоганна Георга I оказались в будущем... прабабками именно русских государей.

Так, старшая дочь София-Элеонора в 1627 году вышла замуж за ландграфа Гессен-Дармштадтского Георга и стала родоначальницей всего этого владетельного дома, и, следовательно, в частности, прапрабабкой по прямой линии императриц Марии Александровны и Александры Федоровны. Вторая дочь курфюрста – Мария-Елизавета сочеталась браком в 1630 году с герцогом Шлезвиг-Голштинским и через него положила основание всему Гольштейн-Готторпскому Дому.

Пока Юрий Родионов занимался саксонскими принцессами, в Москве между тем, узнав, что у датского короля Христиана IV есть две племянницы, взрослые девицы, отправили к нему царских послов – князя Алексея Львова и дьяка Ждана Шапова с брачным наказом. При этом им было указано, что если пойдет речь о том, в какой вере остается невеста, то говорить только о принятии ею православной веры, «а иначе делу стать нельзя».

Предполагалось, что в случае согласия королевских племянниц послы должны будут выбрать одну из них после личной встречи с ними, подарив им предварительно по сорок соболей. Они получили подробную инструкцию о своих действиях в ходе переговоров о браке, вплоть до того, какие тосты произносить за королевским столом.

И хотя посланные Москвой сваты были весьма опытными дипломатами и наказ был весьма искусно составлен, своей миссии им не удалось успешно выполнить.

Вместе со Львовым и Шаповым в Копенгаген отправилось до шестидесяти человек, среди которых находились два переводчика и священник. 1 марта 1622 года московские послы вручили Христиану IV свои верительные грамоты, а после, при встрече с канцлером Христианом Фризом, сообщили о тайном поручении своего царя. Русские послы указали на старшую дочь Шлезвиг-Голштинского герцога Иоанна-Адольфа, принцессу Доротею-Августу. В ходе дальнейших переговоров выяснилось, что потенциальная невеста живет у своей матери в городе Гаузе, но самое главное – она уже дала свое согласие на брак с князем Цесарской области. Чтобы хоть как-то смягчить тяжелое впечатление русских послов от безрезультатных переговоров, в их честь были устроены на прощание несколько роскошных обедов: к королевскому столу наряду с послами приглашались все члены

московского посольства. 14 июня послы вернулись в Москву и представили своему государю подробный отчет о своем визите к датскому королю.

В последней официальной беседе 9 апреля 1622 года советники короля – канцлер Фриз и секретарь Юнтер сказали царским сватам, что следовало раньше сказать о своем желании грамотой и тогда был бы иной исход дела. Московское правительство, воспользовавшись этим советом, назначило 24 июня того же 1622 года переводчика Посольского приказа Елисея Павлова гонцом к шведскому королю Густаву-Адольфу. Царский посланец прибыл в Стокгольм с двумя грамотами. В одной речь шла о пограничных нарушениях, а во второй, составленной втайне от бояр, – предложение королю выдать замуж за Михаила Федоровича маркграфиню Екатерину, дочь курфюрста Бранденбургского.

Королевские советники ответили Елисею Павлову, что Густав-Адольф намерен помочь русскому государю в этом брачном деле, но поскольку он не имеет полной власти над княжней, то посоветовал написать ее матери, маркграфине Бранденбургской Анне, ее брату, курфюрсту прусскому Георгию-Вильгельму, а также маркграфу Бранденбургскому Сигизмунду, датскому королю Христиану IV и герцогу саксонскому Иоанну-Георгию. При этом шведский король высказал мнение, что если царь обещает самой княжне Екатерине и ее прислуге остаться в своей вере, то брак может состояться.

Выслушав доклад Елисея Павлова о результатах его визита, царь и патриарх отправили 15 января 1623 года нового гонца, переводчика Андрея Англера, и вновь с двумя грамотами. Традиционно вторая, секретная грамота касалась брачного предложения Москвы. На сей раз в грамоте было ясно сказано, что бракосочетание может состояться только при главном условии – принятии принцессой Екатериной православной веры. В связи с первоначальным советом короля обратиться к родителям Екатерины в грамоте отмечалось, что поскольку и мать и ее дочь находятся у Густава-Адольфа, то ему удобнее это сделать самому.

Более месяца советники шведского короля готовили ответ московскому государю. В ответной грамоте Густав извещал, что только при выполнении трех условий со стороны Михаила Федоровича король может надеяться на счастливый исход сватовства и обещает свое содействие. «Первое условие, – говорилось в королевской грамоте, – при котором согласятся на брак невеста и ее родные, которым она наказана, то чтоб ее княжеской милости, княжне Екатерине было дозволено остаться в своем крещении и христианской вере и держаться той церковной службы, в которой она воспитана, иметь при себе особую церковь лютерской веры и все что к нашей христианской евангелической вере принадлежит, подобно тому как она до сих пор у своих имела». Второе условие шведской стороны предусматривало сохранение протестантской веры для ее свиты. И, наконец, третье условие заключалось в том, «чтобы она была устроена особыми городами, землей и уездами на всю свою жизнь, хотя бы, по Божьему произволению, она пережила своего супруга».

Требования, выраженные московским и шведским правительствами, отражавшие их принципы, были так различны, что о соглашении не могло быть и речи.

Михаил Федорович, истощив возможности найти себе иноземную супругу из числа европейских принцесс, которая приняла бы православие, женился первый раз в 1623 году на княжне Марии Владимировне Долгорукой. После ее скорой смерти он обвенчался с Евдокией Лукьяновной Стрешневой (5 февраля 1626 г.), от брака с которой и начался царственный Дом Романовых. Свадьба царя проходила в богато убранной золотом и бархатом Грановитой палате: там торжественно встречали жениха и невесту, дарили подарки. И на другой день продолжались пиры, игры, церемонии поздравлений. Весь московский двор веселился на свадьбе своего царя.

В радости и согласии протекала семейная жизнь Михаила Федоровича со Стрешневой. Из одиннадцати детей в живых остались четверо: сын Алексей и три дочери-красавицы (Ирина, Анна, Татьяна).

Как только старшей Ирине исполнилось тринадцать лет, царь предпринял попытку найти ей жениха среди иностранных принцев. В середине 1640 года он решает обратить внимание на принца Вольдемара, третьего сына уже известного Михаилу Федоровичу короля Христиана IV от его второй жены, графини Христины Мунк.

В декабре того же года из Москвы в Данию был отправлен переводчик Иван Фомин с дипломатическим поручением, непосредственно касавшимся герцога Голштинского, который нарушал условия договора о торговле с Персией. Однако главная цель миссии заключалась в ином: тайным образом собрать на месте необходимые сведения о королевиче Вольдемаре и особенно – узнать, не собирается ли он на ком-нибудь жениться. Посол получил строгое предписание: не только лично увидеть принца, но и сделать его портрет, и не скупиться на подарки при выполнении царского поручения.

Фомин задание исполнил успешно. Возвратившись в Москву, он представил Михаилу Федоровичу портреты членов королевского семейства, а о принце сказал, что двадцатилетний королевич Вольдемар «волосом рус, ростом не мал, собою тонок, глаза серые, хорош лицом, здоров и разумен, знает по-латыни, французски, итальянски, верхне-немецки, знаком с воинским делом».

Несмотря на скрытность действий Фомина в Копенгагене, датский двор догадался, какова была главная цель его визита. Сам король не возражал против того, чтобы породниться с русским царем, и с этой целью летом 1641 года отправил в Москву посольство во главе с графом Шлезвиг-Голштинским, принцем Вольдемаром с чисто коммерческой миссией.

В то же время принц получил от отца тайный наказ: если ему в Москве предложат жениться на дочери царя, то он должен согласиться при сохранении ему свободы вероисповедания.

Переговоры о торговле шли весьма успешно для датских купцов: московское правительство позволило им вести коммерцию в Москве, Новгороде, Архангельске, строить, а также покупать дворы для товаров. В то же время договорились, что и русским купцам будут созданы такие же условия в Дании. Интересно, что во время визита принца в Москву русская сторона не проявляла инициативы по брачному вопросу. Сам же Вольдемар показал тайный наказ короля в отношении возможного брака с царевной Ириной Михайловной датскому представителю в Москве Петру Марселису, но тот ничего не сказал русскому правительству. Так датское посольство и возвратилось домой, ничего не сделав здесь по брачному вопросу.

Спустя полгода, в апреле 1642 года, в Москве решили вновь послать в Копенгаген посольство: оно должно было докончить торговый договор и начать сватовство – решить с датским королем Христианом IV вопрос о брачном союзе его сына. Однако это посольство оказалось очень неудачным: король принял московских посланцев весьма прохладно, в результате чего русское правительство обвинило послов – окольничего Степана Простева и Ивана Патрикеева – в нерадении при исполнении царской воли, предав их суду.

Тогда придворные бояре решили поправить затянувшееся брачное дело с помощью датского комиссара в Москве Петра Марселиса, выполнявшего и раньше разные поручения царя. В декабре 1642 года его позвали в Посольский приказ и поручили ехать в Копенгаген сватом. Марселис согласился, понимая, какие выгоды ожидают его и протестантскую колонию в случае удачной миссии, но при этом попросил бояр ничего не говорить принцу Вольдемару об обязательном принятии православного вероисповедания. В Приказе попросили его помочь в том, чтобы королевич принял условия русской стороны. Тогда Марселис сказал, что принц во время своего приезда в Москву показал ему королевский наказ, в котором Христиан IV запрещал сыну отказываться от лютеранства. И тем не менее его отправили в Данию с дорогими подарками.

Прибыв 14 марта 1643 года в Копенгаген, уже 20 марта Марселис имел аудиенцию у короля и изложил ему все московские условия. Христиан IV, нуждавшийся в союзнике против враждебно настроенной Швеции, охотно согласился на брак своего сына. Датское

правительство не находило серьезных препятствий для заключения брака, и теперь оставалось заручиться письменным обещанием от московского государя. Таким образом, Петру Марселису удалось уладить это щекотливое дело.

Последний доставил Михаилу Федоровичу королевскую грамоту, в которой содержалась просьба дать исчерпывающие ответы на некоторые вопросы, связанные с финансовым обеспечением принца Вольдемара в Московии. И вновь Христиан IV, как и прежде, подчеркивал свободу веры королевичу, его двору и слугам, а также место для построения протестантской церкви. В частности, в грамоте высказывалось пожелание, чтобы обещанные ранее царем города Суздаль и Ярославль с их уездами оставались за принцем и его потомками навсегда.

В Посольском приказе стали быстро готовить ответную царскую грамоту с большой государевой печатью, в которой на все условия датского короля давалось царское согласие. Разумеется, все это делалось без ведома москвитян и, видимо, даже патриарха Иосифа.

В царской грамоте было обещание прибавить денежного приданого новобрачным в триста тысяч рублей и предложение иметь принцу с собой триста человек. Что же касается вопроса о вере, то о ней говорилось так: «...королевичу графу Вольдемару и его всему двору и слугам в вере и в законе неволи никакой не будет, а о том, чтобы позволено было место, где кирку поставить, договор будет с послами королевского величества, которые приедут с его королевским сыном к нашему царскому величеству в Москве, где кирке быть...» И вновь с царской грамотой в Копенгаген прибыл Петр Марселис.

Христиан IV, получив из Москвы удовлетворительный ответ, дал согласие на брак и велел своему сыну собираться в русскую столицу. 23 октября 1643 года принц Вольдемар в сопровождении 269 человек из свиты и 60 человек посольства отбыл на кораблях в Московию, благополучно прибыв 29 числа того же месяца в Гданьск. Затем путешествие датского жениха продолжалось через польские и немецкие земли и 4 января 1644 года он достиг Великого Новгорода. Здесь заморских гостей встретили торжественно, с хлебом и солью, дорогими подарками. Петр Марселис сообщал в Посольский приказ, что королевич едет благополучно, радостен и весел, пьет чаши за здоровье царя и его дочери Ирины. Во всех русских городах Вольдемара встречали с честью как сына датского короля Христиана IV, без официального объявления его женихом царевны.

21 января принц Вольдемар с большой пышностью въехал на великолепных санях, подаренных царем, в Москву. Вечером 25 января сам Михаил Федорович посетил королевича в его покоях: он обнимал дорогого гостя, повторяя, что Вольдемар будет ему дорог как собственный сын.

28 января 1644 года в Грановитой палате в торжественной обстановке проходил царский прием датского посольства: королевича Вольдемара тепло приветствовали Михаил Федорович и его сын – наследник престола Алексей, посадив его рядом с собой. После обеда царь и царевич сделали гостю дорогие подарки.

Спустя шесть дней после царской аудиенции начались переговоры бояр – князя Никиты Одоевского, князя Юрия Сицкого и окольничего Василия Стрешнева с послами датского короля. В ходе переговоров главным препятствием для подписания договора о браке явился вопрос о вере. Когда русские начали вести с принцем настойчивые беседы о принятии им православной веры, тот решительно отказался это сделать. И хотя царь и патриарх Иосиф настаивали на крещении по обряду православной церкви, сын Христиана IV решительно отказался менять свою веру. Дело приобрело неприятный и затяжной характер. Более того, королевич поставил жесткое требование: либо царь выполняет условия привезенной Марселисом грамоты, либо с честью отпустит его домой. На просьбу Вольдемара возвратиться домой Михаил Федорович ответил, что отпустить его «непригоже и не честно, что во всех государствах будет стыдно...».

В ноябре из Копенгагена прибыли новые послы с королевской грамотой, в которой Христиан IV требовал, чтобы Михаил Федорович, сохраняя дружбу, выполнил предварительный брачный договор, привезенный Петром Марселисом, или «с честью бы

отпустил королевича и послов обратно». Вновь продолжался длинный ряд устных и письменных объяснений между гостями и хозяевами. Принц Вольдемар, в частности, упрекал Михаила Федоровича в том, что он забыл о своем обещании относительно свободы его вероисповедания. Царь все же не терял надежды побудить принца изменить свое мнение. Но он ошибался. В мае месяце ночью Вольдемар с пятнадцатью верными слугами попытался бежать из Москвы, но все закончилось полной неудачей: у Тверских ворот произошла вооруженная стычка с караулом, в результате которой один стрелец был заколот шпагами, нескольких ранили, сам королевич тоже сильно пострадал. Разумеется, эта выходка датчан очень огорчила московское правительство и самого царя.

Затянувшееся брачное дело Вольдемара благополучно разрешилось только летом 1645 года: 12 июля основоположник царской династии Романовых, самодержец Всероссийский Михаил Федорович умер от водяной болезни в возрасте 49 лет. Занявший престол Алексей Михайлович, посоветовавшись с высшим духовенством и боярами, решил с честью отпустить на родину принца, находившегося в почетной неволе полтора года. 17 августа состоялась прощальная аудиенция у нового московского царя, где королевичу объявили о том, что государь отпускает его домой с честью и в надежде, что дружба между Христианом IV и Алексеем Михайловичем будет продолжаться и впредь. Сам Вольдемар и его свита получили много дорогих подарков и денег на дорожные расходы. 20 августа огромный обоз (около четырехсот подвод) с иностранцами медленно двинулся из Москвы, сопровождаемый боярами и стрельцами.

Как старшая среди сестер царевна Ирина Михайловна пользовалась особым вниманием своего царствовавшего брата Алексея. Она скончалась в 1679 году, на 52-м году жизни, и была похоронена в Новоспасском монастыре, где находилось родовое кладбище Романовых.